

Oleg Ken.

Le double aspect de la stratégie soviétique
en Europe centrale et orientale 1925-1939
Communisme. 2003, no 74/75. P. 45-70

**Советская политика в двух измерениях:
страны Центрально-Восточной Европы
в дипломатии и военной стратегии СССР, 1925-1939 гг.***

Любая интерпретация внешней политики СССР межвоенного периода едва ли возможна без обращения к ее двойственности. Традиционное истолкование этого феномена обычно основывается на противопоставлении двух начал: коммунистической идеи и государственной политики. Линия на поддержку и разжигание революционного движения, составлявшая смысл существования «Всемирной коммунистической партии» (Коминтерна), вдохновляла многие советские акции в Восточно-Центральной Европе вплоть до таллиннского путча декабря 1924 г. Следы этого подхода заметны и в последующем, однако начиная с 1924-1925 г. решения Политбюро о помощи компартиям в организации насильственных действий в значительной мере могут быть объяснены «инерцией или попросту соображениями межфракционной борьбы»¹. Наблюдая упадок влияния Коминтерна во второй половине 20-х годов, западные наблюдатели испытывали оптимизм. Усиление государственных начал в поведении Советского Союза на мировой сцене отождествлялось ими с умеренностью и реализмом, представлялось как возвращение к методам «нормальной» внешней политики.

Действительно, советская дипломатическая активность на протяжении большей части межвоенного двадцатилетия может быть описана в терминах традиционной политики «баланса сил»². Пронизывавшая ее пропагандистская риторика была нацелена в первую очередь против угрозы образования антисоветской коалиции и в этом смысле предстает лишь своеобразной формой *realpolitischer* устремлений: ощущавший себя островом в капиталистическом море Советский Союз усматривал свою главную задачу в том, чтобы не допустить безраздельного доминирования в Европе одной группы государств — так же как и Великобритания эры «splendid isolation». Согласно определению наркома иностранных Георгия Чичерина, международная политика СССР направлялась принципом «*поддержать слабейшего*»³.

Применимое как к антиверсальской политике 20-х годов, так и к линии на коллективную безопасность в 30-е годы, позволяющее понять мотивы превращения первую во вторую,

* Благодарю редакционный комитет и Sabine Dullin за сделанные замечания. На окончательную версию статьи наложили отпечаток также наблюдения над политикой США конца 2002 – начала 2003 г., отмеченной соперничеством State Department and Defense Ministry.

¹ А. М. Филитов. 1923-1925 [вступительная статья] // Г. М. Адиебеков и др. (ред.). Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923-1939. М., 2001. С.11.

² Одним из первых этот тезис в категоричной форме сформулировал Teddy J. Uldricks в дискуссии с Robert C. Tucker (Teddy J. Uldricks. Stalin and Nazi Germany // Slavic Review. Vol.36. No 4. (Dec. 1977). P. 599).

³ Louis Fisher. The Soviets in World Affairs: A History of the Relations Between the Soviet Union and the Rest of the World. 1917-1929. Vol. 2. Princeton, NJ, 1951. P. 827. Здесь и далее курсив мой.

такое истолкование, однако, не выходит за рамки лета 1939 г.⁴ и уже поэтому является фатально недостаточным. Камуфлируя резкий сдвиг в политике Москвы, в сентябре 1939 г. Сталин стремился представить заключение пакта с Германией в качестве естественного продолжения прежней линии и оценивал свои действия как следование принципу баланса сил («подталкивать одну сторону против другой»). Однако существо его рекомендаций, сводилось к «подталкиванию» слабейшего к краю пропасти⁵. Этот подход не являлся новацией. В начале 1922 г., когда Ленину показалось: «у "них" все летит. Крах полный», он отчеканил формулу внешнеполитического поведения в такой ситуации: "Нам надо не ч а я н н о падающего подтолкнуть не нашими руками"⁶.

Присутствие в советской политике принципов "поддержать слабейшего" и "падающего подтолкнуть" (столь же внутренне несовместимых как толстовство и нищезанятие, хотя и равно безразличных к коммунистической идеологии как таковой) отчасти может быть объяснено тем, что первый из них предписывал нормы внешнеполитического поведения в условиях мира, тогда как другой являлся рецептом действий во время мирового кризиса. Трудность, однако, состоит в том, что ожидание конечной развязки («нового тура войн и революций») пронизывало советское внешнеполитическое мышление на протяжении 20-30-х годов. Ссылки на необходимость учитывать эвентуальность «предстоящей войны» встречаются даже в дипломатической переписке (как правило, в качестве «последнего аргумента» при апелляции к вышестоящим инстанциям)⁷. Таким образом, мы оказываемся перед проблемой длительного сосуществования и взаимодействия двух противоположно ориентированных прагматических дискурсов внешней политики СССР.

С институциональной точки зрения, перспектива тотального насилия не могла составлять основы операциональной деятельности советского дипломатического ведомства. Значит ли это, что агентом такой ориентации в международных делах являлось высшее политическое руководство? Последние исследования, показывают, с одной стороны, правомерность такого суждения применительно к 1937-1939 гг., когда террор на время уничтожил упорядоченное функционирование государственного аппарата и на первый план выступили партийные вожди⁸. С другой стороны, по крайней мере с середины 20-х гг. Сталин и его ближайшие сподвижники были вовлечены в определение дипломатического курса⁹. Переориентация политики СССР в направлении защиты европейского статус-кво совершалась в

⁴ G. Gorodetsky склонен применять понятие «баланса сил» даже по отношению к сталинской политике 1940-1941 гг. (Gabriel Gorodetsky. Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia. New Haven and L., 1999. P. 316-317). Критику этого подхода см.: Jonathan Haslam. Stalin and the German Invasion of Russia 1941: A Failure of Reasons of State // International Affairs. Vol. 76. Issue 1 (Jan. 2000). P. 133-139.

⁵ Георги Димитров. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 181-182 (цитируется по обширному реферату: В. В. Марьина. Г. Димитров и Кремлевские вожди. 1934-1948 гг. (Свидетельства Дневника Г. М. Димитрова) // Международный исторический журнал. 2000. № 12).

⁶ Записка В.И.Ленина Г.В.Чичерину, 10.2.1922 // В.И.Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922 гг. М., 1999. С.504 (в записке шла речь о частном вопросе – желательности срыва Генуэзской конференции).

⁷ См., например: Г. Н. Севостьянов. Москва – Вашингтон: Дипломатические отношения. 1933-1936. М., 2002. С.252 (рассуждение Трояновского).

⁸ См.: Sabine Dullin. Les hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe 1930-1939. P., 2001 (ch. 5).

⁹ См.: Michael J. Carley. Comments given at a session on Maxim Litvinov, Southern Conference on Slavic Studies, 2001 (gozips.uakron.edu/~mcarley/Litvinov.html); Л. Безыменский. Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2002. С.46.

начале 30-х гг. не только с ведома, но и во многом по инициативе Кремля¹⁰. Главное, однако, состоит в том, что в советской управленческой системе Политбюро выступало не столько в роли «старшего партнера» того или иного ведомства, сколько в качестве высшего арбитра и «интегратора» различных подходов и интересов. Это обстоятельство побуждает обратиться ко *второму*, наряду с Наркоматом иностранных дел, *внешнеполитическому ведомству* – военному.

В то время как внешнеполитические функции Наркомата внешней торговли и других агентств, от железнодорожного ведомства до тайной полиции, концентрировались на ближайшем будущем и в этом смысле была подчинены обслуживанию потребностей «мирной передышки», деятельность Наркомата по военным и морским делам¹¹ исходила из противоположных приоритетов – из задач подготовки к тотальной войне. «Вопрос о нашей армии, о ее мощи, о ее готовности обязательно встанет перед нами при осложнениях в окружающих нас странах, как вопрос животрепещущий, — разъяснял Сталин в 1925 г. — [...] ...Если война начнется, то нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашку весов, **гирию**, которая могла бы перевесить»¹². Развитие и укрепление вооруженных сил рассматривалось, таким образом, прежде всего не в качестве орудия сдерживания (*deterrence*), помогающего дипломатии обеспечить непрерывное мирное существование, но как квинтэссенция верности большевистского режима своим дальним ориентирам. Смысл существования Красной армии определялся ленинской максимой: «Великие вопросы в жизни народов решаются только силой»¹³, что возлагало на «красный Генеральный штаб... совершенно особые задачи, выходящие далеко за пределы узких национальных рамок»¹⁴.

При этом час решающего испытания оставался неизвестен (ничего подобного британскому “*ten-year rule*” в советской практике не существовало). Поэтому все направления военного планирования следовали краткосрочным директивам, рассчитанным не более, чем на два-три года, и основанными на меняющихся оценках мировой обстановки, определении вероятных противников и исчислении их военных возможностей. Текущая деятельность важнейших структур Штаба РККА — I (Оперативного) и II (Мобилизационного) управлений в этом отношении определялась выводами IV (Информационно-статистического) управления, ведшего постоянную разработку вероятного противника.

¹⁰ См.: О.Н. Кен, А.И. Рупасов. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. 1928-1934. Спб., 2000. С. 248-251.

¹¹ В 1934 г. НКВМ был преобразован в Наркомат обороны СССР, в следующем году Штаб РККА был переименован в Генеральный штаб. Реорганизации Управлений Штаба в 20-30-е гг. выражались в неоднократном изменении их структуры и названий. Наследником IV Управления стало 2-е Главное разведывательное управление Генштаба СССР.

¹² И. Сталин. Речь на Пленуме ЦК РКП(б). 19 января 1925 г. // И. Сталин. Собр. соч. Т. 7. С.13-14. Выступление Сталина была впервые опубликовано после второй мировой войны, что дало основания сомневаться, действительно ли он произнес в 1925 г. эти знаменитые слова. Сопоставление официозной публикации со стенограммой развеивает такие сомнения (см.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГА СПИ). Ф.17. Оп. 2. Д. 165. С.54).

¹³ В. И. Ленин. К истории вопроса о диктатуре // В. И. Ленин. Полное собр. сочинений. Т.41. С.375. Анализ контекста показывает, что подчеркнутое бисмаркианство этого высказывания было едва ли не намеренным.

¹⁴ М. В. Фрунзе. Задачи академиков в армии: Речь на торжественном заседании Военной академии РККА 1 августа 1924 г. // М. В. Фрунзе. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 127.

Задачей военного ведомства являлось оценка источников и масштабов угрозы, исходя из военных и военно-экономических *возможностей* стран, отнесенных к категории вероятных противников. Тем самым международно-политические разработки НКВМ и Штаба РККА вступали в естественную конкуренцию с усилиями дипломатов по определению меняющихся политических *намерений* и эволюции политики иностранных государств. Если военные обнаруживали естественную склонность к *пессимистической оценке* складывающегося положения, позволяющего им предусмотреть наихудшие для СССР сценарии военного столкновения (и требовать соответствующих ресурсов), то критерием успешной деятельности Наркомата по иностранным делам служило *адекватное определение* международных тенденций с целью оказать влияние на складывающуюся расстановку сил. Неизбежно возникавшие противоречия на практике могли разрешаться лишь высшим руководством Партии-Государства, определявшим как военную, так и международную политику страны.

Главной сферой столкновения этих подходов на протяжении полутора десятилетий (с середины 20-х до конца 30-х годов)¹⁵ являлась Восточно-Центральная Европа. Если в советских политических кругах не было сомнений в приоритетной значимости для СССР развития отношений с европейскими странами, то с военной точки зрения положение в Восточной Европе являлось определяющим фактором (или, по меньшей мере, главным индикатором) непосредственной угрозы Советскому Союзу. При этом в силу ряда причин (заслуживающих специального рассмотрения) внимание как дипломатов, так и военных вплоть до 1940 г. обнаруживало ощутимый крен к северному (балтийскому) флангу восточноевропейского пояса, что расходилось с традицией российской политики предшествующих полутора столетий.

Консенсус (1925-1931 гг.)

Послевоенная Европа принадлежала странам-победительницам. Военная и политическая гегемония Франции на континенте подкреплялась ее союзными отношениями с наиболее сильными государствами на западной границе СССР – Польшей и Румынией. Стремление сохранить самостоятельность требовало от российской политики партнерства с Германией и другими государствами-париями ради совместного противодействия гегемонии версальских держав. Лишь держась за «спасательный круг противоречий» Советская страна

¹⁵ На наш взгляд, применительно к первой половине 20-х гг. эта проблема существовала лишь в зародыше, что во многом обуславливалось позицией Троцкого, до начала 1925 г. совмещавшего свои политические функции с управлением Наркоматом по военным и морским делам. Безусловный примат политического побуждал его категорически отвергать как «педантские» все попытки своих подопечных «составить каталог наших врагов» (Л. Троцкий. Военная доктрина, или мнимо-военное доктринерство // Л. Троцкий. Как вооружалась революция. М., 1925. Т. 3. Кн. 2. С.235).

Решающим аргументом в пользу позиции Троцкого являлись неопределенность ближайших международных перспектив СССР и ожидания революционного взрыва в Германии и странах Восточной Европы. Соответственно, командование РККА, по утверждению М. Тухачевского, «не имело определенных взглядов на оперативное руководство» и в отношении стратегической подготовки армия пребывала «в варварском состоянии» (Доклад М. Тухачевского И. Сталину, 23.1.1924. – РГА СПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л.2-3).

С другой стороны, как показывает инициированная М. Литвиновым осенью 1924 г. дискуссия в руководстве СССР, лишь после установления дипломатических отношений с Францией, Великобританией и Италией, оно ощутило себя действительным субъектом международной жизни, способным к масштабному маневрированию и выбору партнера (См.: Письмо Х. Раковского членам Коллегии НКВД СССР, членам Политбюро ЦК РКП(б) и Л. Красину, Лондон, 21.11.1924. – РГА СПИ. Ф.359. Оп. 1. Д. 6. Л.302).

могла «безопасно продолжать свое дальнейшее плавание»¹⁶. Перспектива включения Германии в систему сотрудничества с западными странами, принявшая в 1925-1926 гг. отчетливые очертания, ставила под угрозу проведение политики «баланса сил». Забегая вперед, председатель Коминтерна Григорий Зиновьев предлагал признать, что «переориентация Германии есть свершившийся факт, который имеет гигантское значение для нас»¹⁷. Тем не менее вплоть до начала 30-х гг. в советской политике преобладала точка зрения наркома иностранных дел Георгия Чичерина, согласно которой отношения с Германией являлись «в наибольшей степени той точкой приложения нашей игры в Европе, которая нужна, чтобы сохранить экономические связи с другими странами и сохранить политические связи». Заинтересованность как Германии, так и СССР в противостоянии версальскому «диктату» приводила советскую дипломатию и Политбюро к выводу о том, что пока сохраняется послевоенный порядок «укрепление Германии ведет к повышению заинтересованности Германии в отношениях с нами»¹⁸. Лишь в начале 1930 г. в Наркомате иностранных дел обозначились опасения, что возрождение германского империализма может в будущем превратить его в одну из основных сил антисоветского блока. Однако и позднее, советская дипломатия рассматривала Германию как едва ли не основной фактор сохранения мира в Европе. «Попытки создания единого капиталистического фронта против СССР, как в политическом, так и в экономическом отношении разбивались, главным образом, о крепкий утес наших взаимоотношений с Германией», — напоминал членам Политбюро преемник Чичерина Максим Литвинов осенью 1931 г.¹⁹.

Вместе с тем успехи политики Штреземанна по укреплению международных позиций Германии и сближению с Францией, привели во второй половине 20-х годов к постепенному сужению сферы практического взаимодействия Москвы и Берлина. Благодаря этому центральное место в отношениях СССР и Германии занял польский фактор²⁰. После неудачи плана «генерального урегулирования» отношений с Польшей в 1924 г. она неизменно рассматривалась Наркоминделом как «действительный авангард враждебного нам мира»²¹. Это оценка обуславливалась общим восприятием Польши как «детища» или «создания» Версальского договора²² и подкреплялась столкновениями с польской дипломатией, энергично стремившейся восполнить всю затруднительность положения страны, сдавливаемой сильными соседями. Во-первых, Польша представляла безусловным союзником Франции в проведении последней антисоветской политики. О растущем отчуждении Варшавы от Парижа советские дипломаты были мало осведомлены, что побуждало их даже на рубеже 30-х согла-

¹⁶ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля — 9 августа 1927 г.: Стенографический отчет. Вып. 1. С. 95 (РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д.317) (выступление Раковского).

¹⁷ Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29 июля — 9 августа 1927 г.: Стенографический отчет. Вып. 1. С. 46 (РГА СПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д.317).

¹⁸ Там же. С.148 (выступление Чичерина)

¹⁹ Записка М. Литвинова Л. Кагановичу, 15.9.1931. — Архив внешней политики МИД РФ (далее — АВП РФ). Ф.010. Оп. 4. П. 21. Д.63. Л. 242.

²⁰ См.: Там же. Л.242-244.

²¹ Письмо Б. Стомякова Д. Богомолу, 15.6.1929. — Там же. Ф.0122. Оп.13. П.144. Д.2. Л.86.

²² См.: Доклад Д. Богомолу Б. Стомякову «Иностранная политика Польши», 27.3.1929. — Там же. Ф.09. Оп.4. П.38. Д.31. Л.106; Оценка доклада Д. Богомолу (утверждена 28.4.1929). — Там же. Ф.0122. Оп.13. П.144. Д. 1. Л.297.

шаться с тезисом о вассальных узах, будто бы связывающих поляков с Францией²³. Во-вторых, союз Польши с Румынией ущемлял интересы Москвы, с 1924 г. отказывавшейся признать право Румынии на обладание Бессарабией. К тому же, до 1935 г., когда Титулеску ознакомил Литвинова с подлинным текстом союзного договора, в советских кругах господствовало убеждение в его наступательной направленности. В-третьих, стремление Польши к развитию политических связей с Финляндией, Эстонией, Латвией и нормализации отношений с Литвой (не признававшей польской аннексии Вильно) расценивалось как стремление к «фактическому протекторату над прибалтийскими странами, чтобы затруднить СССР доступ к морю». В целом усилия Польши укрепить свое положение, усадив СССР за один стол со всеми его западными соседями, расценивались как создание «сомкнутого фронта от Белого до Черного моря» против Советского Союза²⁴. Именно об это препятствие разбились переговоры о заключении договора о ненападении между СССР и Польшей в 1926-1927 гг.

Ориентация на «крепкий утес» отношений с Германией и борьба с Польшей за влияние в Северо-Восточной Европе, являвшиеся магистральными и органично взаимосвязанными направлениями международной политики СССР второй половины 20-х гг., вполне соответствовали стратегическим установкам Красной армии. Действовавший к середине 20-х гг. план развертывания Красной Армии в случае войны на Западе исходил из предпосылки «одновременного выступления против нас Польши и Румынии», которые будут опираться на поставки военных материалов и вооружения со стороны Франции, Чехословакии и Великобритании. В докладе Начальника Штаба РККА, подготовленном в конце 1925 г. и содержавшем первый набросок всеобъемлющего плана войны, предлагалось подтвердить этот тезис и предусмотреть на западном театре три основных операционных направления (два против Польши, одно против Румынии). «Прибалтийские государства Эстония, Латвия, Литва и Финляндия, несмотря на ряд мероприятий, предпринятых Польшей с целью вовлечения их в общий антисоветский союз, несмотря на то, что эти государства (за исключением Финляндии) фактически на вхождение в такой союз согласились и даже есть основание предполагать, что контактная военная работа между ними и Польшей ведется, все же в виду их слабости всегда будут занимать оборонительную позицию, — считал М. Тухачевский, предлагая исходить из предположения об «условном нейтралитете прибалтийских государств»²⁵.

По указанию Тухачевского IV Управление Штаба РККА к весне 1928 г. подготовило фундаментальное исследование «Будущая война». «Наиболее вероятным» сценарием войны в случае нападения «империалистических держав» авторы считали вторжение сил коалиции с запада. В зависимости от отношения к СССР в случае военного конфликта все страны были разделены на четыре категории. В категорию государств, явно враждебных СССР, были отнесены страны Антанты (Великобритания, Франция и даже Италия) и все западные соседи СССР (Польша, Румыния, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва). Германия, как и некоторые другие государства, включая Японию и США, определялись как государства, могущие

²³ См. О.Н.Кен, А.И.Рупасов. Указ. соч. С.156-159.

²⁴ Рапорт С. Патека А.Залескому, 20.9.1927 // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. V. М., 1967. С. 203 (заявление Чичерина).

²⁵ Доклад Начальника Штаба РККА М. Тухачевского Председателю Революционного военного совета, 9.12.1925 (с положительной резолюцией И. Уншлихта) (фотокопия). – Centralne Archiwum Wojskowy. 1775/89/968/142-145.

примкнуть к антисоветскому фронту. В согласии с опасениями дипломатов, двумя годами ранее добивавшимися, чтобы Берлин при вступлении в Лигу Наций сохранил за собой право уклониться от пропуска французских войск в случае применения против СССР 16-й статьи Ковенанта, руководители военной разведки подчеркивали, что непосредственная угроза войны может возникнуть именно вследствие присоединения Германии к антисоветской коалиции²⁶. Эти оценки осенью 1928 г. получили развитие в новой обширной разработке Штаба РККА, основанной на тезисе о том, что «заключение англо-французского блока на основе целого ряда военно-политических соглашений является крупным шагом буржуазного мира в деле подготовки будущей войны». Польша и Румыния, ранее имевшие возможность маневрировать между Англией и Францией отныне «находятся в почти полной внешнеполитической зависимости от англо-французского блока». Поскольку Англия «временно отказалась в пользу Франции от борьбы за гегемонию на европейском континенте, подготовка Польши и Румынии к войне будет в ближайший период времени находиться в большей, чем до сих пор степени под руководством Франции», которая полностью перешла «в лагерь наших злейших врагов» — Польши и Англии. Соответственно возрастала значимость поведения Германии, в отношении которой, говорилось в докладе IV Управления, «дело также меняется в том смысле, что Франция будет считать необходимой предпосылкой войны против СССР гарантию того, что военная мощь Германии не увеличится настолько, что будет поставлена под угрозу система Версальского мира». Таким образом, ремилитаризация Германии представляла важнейшим фактором сохранения мира, а урегулирование польско-немецких отношений — прологом к нападению на СССР²⁷.

Пока же в центре внимания Штаба РККА находились военно-политическое сотрудничество между странами Восточно-Центральной Европы и мобилизационные ресурсы Польши («обер-вассала французского империализма»), Румынии и прибалтийских государств. Военная разведка уверенно заявляла о наступательной и «захватнической» направленности польско-румынского союза и даже допускала возможность появления в Черном море военно-морских сил Польши²⁸. Утверждалось, что шесть соседних государств способны выставить уже в начале войны до 114 пехотных дивизий, обеспеченных стрелковым, артиллерийским и авиационным вооружением²⁹. В обширном докладе Штаба РККА «о вооружениях капиталистических стран» (1931 г.) решительно отменялись все сомнения относительно оправданности конфронтации СССР с государствами—лимитрофами, тем более что «некоторые из них по своей хозяйственной, национальной и проч[ей] сущности нельзя назвать иначе как искусственным насаждением на границах СССР». «Если все же по хозяйственным и внешнеполитическим признакам и получается какое-то впечатление о формальной

²⁶ См. Л. Самюэльсон. Красный колосс: Становление советского военно-промышленного комплекса. 1921-1941 гг. М., 2001. С.33-36 (оригинал: Lennart Samuelson. Plans for Stalin's War Machine: Tukhachevskii and Military-Economic Planning, 1925-1941. Houndmills etc., 1999).

²⁷ Доклад IV Управления Штаба РККА «Военная подготовка против СССР и основные вопросы усиления обороны», октябрь 1928. — Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. Р-1483. Оп. 1. Д.51. Л.36-40.

²⁸ Материалы 3 отдела IV Управления Штаба РККА, 21.02.1929. — РГА СПИ. Ф.74. Оп. 1а. Д.388. Л. 5-6; Комментарии 3 отдела IV Управления Штаба РККА к агентурному материалу «Переговоры Польши с Румынией и Прибалтийскими государствами», 13.12.1928. — РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д.51. Л.76-79.

²⁹ Доклад IV Управления Штаба РККА «Военная подготовка против СССР и основные вопросы усиления обороны», октябрь 1928. — РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д.51. Л.42-50.

«независимости» и «самостоятельности» приграничных с СССР государств, то с точки зрения военной – все это исчезает. Военный материал, военное руководство и даже военные репетиции лимитрофов [находятся] в руках больших империалистов” – Англии и Франции³⁰. Постоянные ссылки на «больших империалистов» и «крепкие дружественные» отношения между странами Восточно-Центральной Европы позволяли преодолевать главное для советских аналитиков методологическое затруднение: непредвзятая оценка военно-экономического потенциала соседних государств не могла не приводить к мысли об их незаинтересованности в военном столкновении с СССР.

На рубеже 20-30-х годов определение западных соседних государств как «ближайших вероятных противников» и преувеличенные сведения об их боевых возможностях явилось отправным пунктом для принятия новых планов развития Красной армии. Документы военного ведомства недвусмысленно указывают на то, что именно соседние государства, образовавшие по рискованному выражению Ворошилова, узкую «каемочку» вдоль западной границы СССР, имело в виду Политбюро, утверждая в 1929 г. доктринальную установку о необходимости «не уступать нашим вероятным противникам на главнейшем театре войны» и превосходить их по «решающим видам вооружений»³¹.

Ориентиры дипломатии и военного ведомства, интересы продления «мирной передышки» и подготовки к войне, таким образом, находились в гармоническом соответствии. Бесконфликтное сосуществование соответствующих внешнеполитических дискурсов облегчало общеполитическую координацию, что отразилось в частности, в решении Политбюро «О Прибалтике», принятом весной 1925 г. по докладу руководителей НКВД (Чичерин, Литвинов) и НКВМ (Аралов, Уншлихт, Берзин). Это постановление, поводом к которому явилось проведение заурядного совещания военных экспертов соседних стран, оформило тезис о том, что «факт создания блока из Прибалтийских стран, Польши и Румынии ТАИТ В СЕБЕ НЕПОСРЕДСТВЕННУЮ УГРОЗУ ОПАСНОСТИ (sic) СССР» и предписывало осуществление комплексной системы мер, в особенности в дипломатической и военной областях³². Применительно ко второй половине 20-х гг. можно утверждать, что в отношениях между дипломатическими установками и стратегическими ориентирами СССР торжествовал антиверсальский консенсус, не слишком омрачаемый обычными ведомственными трениями по второстепенным вопросам. Этот консенсус страдал лишь одним изъяном – он основывался на внутренне противоречивых послылках относительно интересов самого Советского Союза. Испытывая страх перед объединением латышей и эстонцев с поляками и румынами, Москва одновременно безбоязненно расшатывала непрочные основы европейской стабильности.

Расхождение (1931-1933 гг.)

³⁰ Доклад о вооружениях капиталистических государств, 1931. – Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф.4. Оп. 14. Д.379.Л. 69-70.

³¹ О. Н. Кен. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 20-х – середина 30-х гг.). СПб., 2002. С.60-63.

³² [Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 9.4.1925 (протокол № 56, п.1).] // Г. М. Адибеков и др. (ред.). Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923-1939. М., 2001. С.75-77.

Разрастание с начала 1930-х кризиса Версальской системы поставило под вопрос иллюзорные представления о том, что «танцуя на германской ноге» (выражение Литвинова³³) можно обеспечить Советскому Союзу возможность длительного мирного развития. Германия переставала быть «слабейшим», вырисовывалась перспектива ее доминирования в Центральной Европе. Если весной 1931 г. советская дипломатия была ответила на нарушение европейского баланса попыткой нормализовать отношения с Францией, то осенью того же года ей предстояло убедиться в невозможности заключения советско-французского договора о ненападении без достижения аналогичных соглашений с Польшей и всеми другими европейскими соседями. К концу 1932 г. Москва заключила пакты о ненападении со всеми государствами по периметру европейской границы СССР (кроме Румынии), а также с Францией. Вопреки возражениям со стороны Германии, эти договоры основывались на широкой трактовке нападения как любого действия, нарушающего территориальную целостность и политическую независимость государства, хотя бы и с избежанием официального состояния войны³⁴. Эта линия получила свое развитие в советском предложении о принятии международным сообществом особого акта, определяющего понятие агрессии, и в Лондонских конвенциях на этот счет, подписанных СССР со своими соседями в июле 1933 г. Почти стихийная эволюция советской внешней политики в направлении поддержки международного режима безопасности и сохранения статус-кво, к сближению с Францией и ее восточноевропейскими союзниками в середине 1933 г. приобрела отчетливые формы. Бесспорно, утверждение в Германии воинствующего антикоммунистического режима сыграло в этом свою роль. Существо проблемы для советской дипломатии, однако, состояло в том, что с возрождением Германии прежнее соотношение сил в Европе быстро разрушалось. Москва приходилось все больше считаться с «la présence de soixante-dix millions d'Allemands industriels et entrepreneurs, auxquels un contrepoids est indispensable dans la politique européenne», в силу чего «l'entente entre la France, la Pologne et l'URSS» превращалась в «la meilleure garantie de paix»³⁵. В канун 1934 г. Политбюро утвердило предложение НКВД о вступлении СССР в Лигу Наций и о «заключении регионального соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии». Непременными участниками этого соглашения должны были стать Франция и Польша. Москва также желала присоединения к нему других соседних государств – Латвии, Литвы, Эстонии и Финляндии³⁶. Советская дипломатия встала на путь «коллективной безопасности».

Переосмысление военным ведомством стратегических задач СССР происходило в ином темпе и приводило к иным результатам. В 1932 г., в то время как дипломаты вели переговоры о заключении договоров о ненападении между СССР и его западными соседями, заместитель наркома — Начальник Вооружений РККА Тухачевский представил план мол-

³³ Письмо Л. Кагановичу И. Сталину, 16.9.1931 // О. В. Хлевнюк и др. (сост.). Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936. М., 2001. С.107.

³⁴ См. переданные в НКВД в конце 1931 г. германские меморандумы (“Vermerk”, “Bemerkungen”, “Weitere Bemerkungen zum entwurf eines sowjetisch-polnischen Nichtangriffspaktes”. – АВП РФ. Ф.05. Оп.12. П.86. Д.67. Л. 1-7; Там же. Оп.11. П.78. Д.85. Л.93-96).

³⁵ Ch. Alphan à J. Paul-Boncour, 2.8.1933 // DDF. 1-re sér. T.IV. P., 1968. P. 134-135 (заявление Радека); см. также: J. Payart à G. Bonnet, 5.9.1938 // DDF. 2-me sér. T.X. P. 16-18 (заявление Литвинова).

³⁶ [Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 19.12.1933 (протокол № 151, п.99/74)] // Г. М. Адибеков и др. (ред.) Указ. соч. С.305-306.

ниеносного разгрома Польши (выражая при этом готовность подготовить аналогичные планы против Латвии и Румынии)³⁷. Если этот эпизод может быть объяснен личными амбициями Тухачевского, то другие документы военного ведомства свидетельствуют об упорных попытках руководства Красной армии сохранить прежние ориентиры стратегического планирования. Доклад старших командиров РККА Дубового и Урицкого (первый из них вскоре возглавил Харьковский военный округ, а второй – Разведывательное управление Генерального штаба), представленный ими по возвращении из Германии и датированный ноябрем 1933 г., был проникнут тем же сочувствием к стратегическим устремлениям рейхсвера, что и отчет Тухачевского о немецких маневрах 1932 г. Дубовой и Урицкий настаивали на сохранении советско-германского сотрудничества, причем не столько “по учебно-информационным соображениям”, сколько ради “тщательного наблюдения за происходящим там [в Германии], чтобы быть готовыми использовать все благоприятные для нас возможности”. Торжество нацизма оценивалось как преходящее обстоятельство, которое не может нарушить общности стратегических интересов СССР и Германии: “исторические перспективы сейчас очень переменчивы; конкретно можно и нужно уже сейчас думать о послегитлеровском периоде”³⁸. Эти соображения позволяют частично представить мотивы, которыми руководствовался Штаб РККА, разрабатывая план развития Красной армии на вторую пятилетку.

В итоговом докладе военного ведомства, переданном в Комиссию Оборона СССР в декабре 1933 г., для определения масштабов строительства РККА и ее мобилизационного развертывания как и прежде привлекались сведения о соседних государствах как “вероятных ближайших противниках” (это понятие было впервые распространено на все без исключения соседние с СССР страны Ближнего, Среднего и Дальнего Востока). Согласно итоговым подсчетам, Польша, Румыния и прибалтийские страны в 1938 г. могли развернуть до 3 400 000 человек, 3 000 самолетов и 2800 танков (цифры совершенно невероятные). “Кроме того, — предостерегал Штаб РККА, — необходимо учитывать, что непосредственные соседи на западной границе могут получить в первый же период войны с СССР активную поддержку от крупных империалистических государств (Франция, Англия) в виде мотомех[анизированных] войск и авиации”³⁹. Поэтому дополнительно были приведены сведения о вооруженных силах Франции и об “Англо-индийской армии”. Некоторые положения доклада представляли причудливую смесь озабоченности по поводу перемен в европейской ситуации и попыток спрятать голову в песок. “Необходимость содержания в мирное время значительного количества авиации, мотомех[анизированных] войск, конницы и кадровых стрелковых дивизий в штатах, близких к военному времени вытекает из характера современной международной обстановки, когда СССР может подвергнуться нападению со сторо-

³⁷ См.: Ю.Л. Дьяков, Т.С. Бушуева. Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922-1933. Неизвестные документы. М., 1992. С. 132; С. Т. Минаков. За отворотом маршальской шинели. Орел, 1999. С. 224.

³⁸ Краткий доклад И. Дубового и С. Урицкого К. Ворошилову «Об обучении в немецкой военной академии и участии в занятиях рейхсвера в 1933 г.», 23.11.1933. – РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 187. Л. 3, 20. Этот доклад был представлен спустя пять месяцев после возвращения советской группы из Германии, что подсказывает, что он был написан по особому указанию наркома.

ны вероятных противников без всякого объявления войны”⁴⁰. При этом о Германии не только как о вероятном противнике, но и как о политическом и военном факторе, который должен был быть учтен при определении масштабов, пропорций и темпов строительства советских вооруженных сил, их материально-технического обеспечения и т. д., в докладе не упоминалось вовсе.

Эти установки военного руководства получили общее одобрение Кремля. В начале апреля 1934 г., Штаб РККА дал указания военным округам и флотам провести разработку оперативного плана на период с 1 мая 1934 г. по 1 мая 1935 г., исходя из двух вариантов:

«Вариант «С» – основной, по которому ожидается одновременное нападение на СССР Польши и Румынии совместно с блоком прибалтийских государств (Финляндии, Эстонии, Латвии) при активной поддержке Англии и Франции.

Вариант «С-1», по которому ожидается нападение на СССР Польши и Румынии, при активной поддержке Англии и Франции»⁴¹.

Таким образом, пути дипломатии и военного планирования грозили совершенно разойтись. Постоянный контроль Политбюро над Наркоминделом и Наркомвоенмором оказался не в состоянии обеспечить гармонизации их внешнеполитических установок. В конце 1933 – начале 1934 г. Сталин и его ближайшее окружение явно затруднялись в определении будущего курса СССР, предпочитая санкционировать ведомственные рекомендации, несмотря на их политическую несовместимость. Наркоминдел предлагал вступить в переговоры о пакте взаимной помощи с теми государствами, к войне с которыми продолжал готовиться Наркомат по военным и морским делам. По всей вероятности, чем большие перемены происходили в европейской политике, тем тверже на Знаменской площади держались принципа, что непосредственная угроза может исходить от непосредственных соседей. С другой стороны, советским дипломатам не просто было ответить на вопрос о том, какую реальную опасность для Советского Союза в близкой перспективе может представлять Германия, отделенная от него Польшей и другими восточноевропейскими странами: ведь Гитлеру “для того, чтобы осуществить проект восточной экспансии, нужно либо разгромить Польшу, либо сотрудничать с нею в этой области”⁴².

В иной модальности этот вопрос стоял и перед французским правительством, стремившимся закрепить переход Москвы на сторону защитников статус-кво. С июля 1933 г. Ж. Поль-Бонкур и Э. Даладье начали кампанию намеков и предостережений, призванных убедить Москву в том, что Германия и Польша договариваются о совместном военном походе на восток⁴³. В последующие месяцы французский МИД продолжал подпитывать советские

³⁹ Проект доклада Наркома по Военным и Морским Делах в Комиссию Обороны СССР «О развитии РККА во вторую пятилетку» (подписан Начальником Штаба РККА Егоровым 13.12.1933). – Там же. Ф.40442. Оп. 2. Д.32. Л.103.

⁴⁰ Там же. Л.104.

⁴¹ Оригинал директивы Начальника Штаба РККА от 2 апреля 1934 г. недоступен. Документ цитируется по: Директива Начальника Морских Сил Балтийского моря Командиру Ижорского укрепрайона МСБМ, апрель 1934 г. – РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 2. Д.241. Л.179. Директива Штаба РККА была издана примерно с месячным запозданием, что, вероятно, отражает сомнения военных или политического руководства в правильности этих установок оперативного плана.

⁴² Письмо Д. Штерна С.Александровскому, 8.06.1932. – АВП РФ. Ф.082. Оп.15. П.67. Д.3. Л.223.

⁴³ См.: Телеграмма М. Литвинова в НКВД, 6.7.1933 // ДВП СССР. Т.16. С. 417 (док. 222), а также телеграммы Литвинова 6 и 8 июля (Там же. С. 846-847 (прим. 172, 173)).

подозрения о том, что ослабление напряженности между Польшей и Германией не может не перерасти в заключение ими антисоветского альянса. Если для советских военных Польша оставалась бесспорным вероятным противником, то для дипломатов она представлялась сомнительным потенциальным союзником. Обе советские инстанции были стремились поэтому вывести поляков «на чистую воду», т. е. заставить их четко обозначить свою позицию, лишая себя свободы внешнеполитического маневрирования представляло необходимое условие. Эти усилия лишь подталкивали Пилсудского к перемирию с Германией на основе ее отказа от насильственной ревизии польско-немецкой границы. Декларация о неприменении силы в двусторонних отношениях, подписанная 26 января 1934 г. представителями Польши и Германии, была воспринята официальной Москвой едва ли не с облегчением. В самом деле, трактовка польско-германской декларации как враждебного акта по отношению к СССР (вскоре ее начали без обиняков именовать антисоветским альянсом) примиряла дипломатов и военных — и освобождала Кремль от поисков радикального разрешения назревавшего между ними конфликта. Поскольку благодаря этой конструкции германская угроза прямо проецировалась на советскую границу, Литвинов и его коллеги получали сильный аргументы в пользу ускоренного осуществления прозападного курса. Одновременно тезис о германо-польском союзе подтверждал прежние выкладки стратегов о том, что непосредственная угроза СССР исходит прежде всего со стороны Польши, которая будет опираться на «больших империалистов». Уже в начале февраля 1934 г. Тухачевский направил Ворошилову доклад, в котором доказывалось, что поведение Польши и Германии делают ближайшие годы особенно «ударными» для развития мощи Красной армии⁴⁴.

Компромисс и капитуляция (1934-1939 гг.)

В результате в Москве стал складываться новый общий подход в отношении стран Восточно-Центральной Европы. На первом этапе (в 1934 и начале 1935 г.) Германия рассматривалась как некий суррогат потенциального противника – как сила, не способная к самостоятельному военному выступлению⁴⁵ и одновременно как возможный партнер СССР в рамках Восточного Локарно. Давление Москвы на Польшу с целью заставить ее занять антигерманскую позицию сопровождалось сближением с Румынией и попытками выступать в роли единственного защитника суверенитета малых стран Балтии. Восстановление всеобщей воинской повинности в Германии в марте 1935 г. дало мощный толчок советской дипломатии и военным приготовлениям. «До сих пор мы считали, — констатировал заведующий 2-ым Западным отделом НКВД, — что Германия будет выжидать военного взрыва на Д[альнем] Востоке и лишь потом постарается его использовать. Мне кажется, что вскоре создастся положение, когда Германия... попытается сама перенять инициативу в смысле осуществления военного передела карты Европы»⁴⁶. Эти соображения побуждали Наркоминдел ускорить сближения с Францией, окончательно оставляя за бортом Польшу и отказываясь от идеи гарантирования французами неприкосновенности балтийских государств. Более того, чтобы добиться заключения договора о взаимопомощи с Францией Литвинову и

⁴⁴ Л. Самюэльсон. Указ. соч. С.181.

⁴⁵ Доклад М. Тухачевского К. Ворошилову, 25.02.1935. – РГВА. Ф. 33987. Оп.3. Д.400. Л.228 (цит. по: Маршал М.Н. Тухачевский (1893-1937) / Комплект документов из фондов РГВА. М., 1994).

⁴⁶ Письмо Д. Штерна С. Бессонову, 17.3.1935. – АВП РФ. Ф.082. Оп. 18. П.80. Д. 3. Л.35.

его коллегам потребовалось солидаризироваться с драматическими оценками поведения Польши, сформулированными военными⁴⁷.

Для военного руководства провозглашение открытой ремилитаризации Германии и разрыв с Польшей означали необходимость крупной ревизии плана войны на Западе и общих мобилизационных проектировок. При поддержке Тухачевского командующий Белорусским военным округом И. Уборевич еще в феврале 1935 г. предложил внести в план войны изменения, исходя из того, что основная опасность для СССР отныне исходит со стороны Германии и Польши, которых поддержит Финляндия. В то время как последняя создаст угрозу Ленинграду, 25-30 польско-немецких дивизий могут быть двинуты через Литву и Латвию (Уборевич, впрочем, допускал, что удар по Советскому Союзу может быть нанесен также Великобританией, Эстонией и Латвией). Ввиду «гигантских производственных возможностей» германской экономики, залогом успеха объявлялся разгром Польши уже в первые дни войны — прежде, чем Германия успеет полностью отмобилизоваться⁴⁸. Заместитель наркома обороны М. Тухачевский также считал, что «основной нашей стратегической задачей» остается разгром Польши, которая утратив поддержку Румынии, будет опираться на Германию. Практический смысл оперирования фантомом польско-германской угрозы сводился к требованию новых ресурсов. Под влиянием внешнеполитической конъюнктуры Тухачевский и его сторонники получили поддержку Кремля, и Начальник Штаба РККА А. Егоров был вынужден признать недостаточность сделанных ранее приготовлений.

Новая программа подготовки к войне, представленная Штабом в апреле 1935 г., исходила из утверждения: «Явно выявившийся немецко-польский блок, направленный в первую очередь против нас, и большой рост вооружений во всем буржуазном лагере делают западный театр вновь в качестве (sic) актуального фронта»⁴⁹. Решения, принятые Комиссией Обороны и Политбюро ЦК ВКП(б) в апреле-мае 1935 г., фактически означали вступление Советского Союза в предмобилизационный период⁵⁰. Одновременно Кремль не без колебаний согласился с предложениями Литвинова форсировать заключение договоров с Францией и Чехословакией об оказании взаимной помощи в случае агрессии со стороны Германии.

Восстановление согласованности задач военного планирования и дипломатической активности по существу основывалось на игнорировании реальных интересов СССР как региональной державы, безопасность которой была неотделима от жизненных потребностей западных соседних государств. Дипломатия сосредоточилась на отношениях с великими державами, прежде всего — на сближении с Францией и Великобританией. Однако ценность Советского Союза как союзника напрямую зависела от его способности оказать эффективное военно-политическое давление на Германию в случае возникновения кризиса, что предполагало тесные доверительные отношения СССР со своими западными соседями. Напряженные отношения с Польшей не только закрывали СССР прямой путь к границам Герма-

⁴⁷ См.: Sabine Dullin. Op. cit. P. 135.

⁴⁸ Cynthia A. Roberts. Planning for War: The Red Army and the Catastrophe of 1941 // Europe-Asia Studies. 1995. Vol. 47. No. 8. P. 1304-1305.

⁴⁹ Доклад Начальника Штаба РККА А. Егорова «Развитие РККА на 1936-й-1938-й гг.», 14.04.1935. — РГВА. Ф.40442. Оп. 1. Д.1569. Л.1. Оперативный план на 1935/36 год оставял «открытым... вопрос об участии в войне против нас Англии и Швеции» (Директива Штаба Краснознаменного Балтийского флота по оперативному плану на зимний период, 4.12.1935. — РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп.2. Д.260. Л.28).

⁵⁰ См.: О.Н. Кен. Мобилизационное планирование и политические решения. С.300-301.

нии и возможность оказания помощи Чехословакии, но и блокировали румыно-советское сближение. В 1934-1936 гг. несмотря на сложность внутривосточного пейзажа министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску неоднократно добивался продления полномочий на ведение переговоров о пакте взаимопомощи с Советами. Однако Москва не только не желала пойти на символические уступки в отношении статуса границы между СССР и Румынией, но и сделала разрыв союза Румынии с Польшей условием подписания пакта взаимной помощи. Абсолютное невозможное с точки зрения государственных интересов Румынии, такое требование представлялось Наркоминделу совершенно естественным, поскольку речь шла об отношениях ее будущего союзника с государством, которое СССР рассматривал как своего врага. После окончательного отказа Литвинова в июле 1936 г. согласиться на сохранение оборонительного союза Бухареста и Варшавы⁵¹ падение Титулеску и постепенная переориентация Румынии стали делом нескольких недель. Одним из неизбежных следствий этого явилось ослабление позиций Чехословакии, потерявшей надежду на получение непосредственной поддержки со стороны союзной славянской державы.

На балтийском направлении дипломатическая активность СССР также на практике ограничивалась главным образом борьбой с польским влиянием. Добившись от Латвии и отчасти Эстонии дистанцирования от Польши, Москва в 1934 г. сняла возражения против образования так называемого Малого Прибалтийского союза (Балканской Антанты). Участие в нем Литвы, отказывавшейся от урегулирования отношений с Польшей, служило залогом того, что Варшава не сможет использовать создаваемую комбинацию в своих интересах. При этом Наркоминдел наложил вето на переговоры о заключении договоров о взаимной помощи с Литвой и Латвией. Полученное от Риги предложение на этот счет было оставлено без ответа⁵². Согласно разъяснению заместителя наркома по иностранным делам Б. Стомонякова, договор о взаимной помощи с той или иной прибалтийской страной, «не давая нам материально ничего, или почти ничего, односторонне связывал бы нас руки обязательством по оказанию материальной помощи в случае нападения на них Германии или Польши. Когда такое нападение случится, мы и без того сможем, если сочтем выгодным, оказать им помощь»⁵³. Твердое намерение сохранить свободу рук в отношении своих соседей, которым одновременно предъявлялось требование сделать открытый выбор в пользу противников Германии, подрывало недавно обретенное Москвой влияние в странах Балтии и Румынии. С 1936 г. вслед за Польшей эти государства склонялись к необходимости расширить базу своей международной политики за счет отношений с западноевропейскими державами и, в первую очередь, с Германией.

Стратегические предложения Красной армии шли рука об руку с отчужденностью и настороженностью советской дипломатии в отношении западных соседей. В январе 1936 г. нарком Ворошилов и Начальник Генштаба Егоров отдали директивы об отработке проблем начального периода войны на западном театре и проведении соответствующих маневров,

⁵¹ См.: «К проекту договора о взаимопомощи между Румынией и СССР», Монтре, 21. 7. 1936 // Советско-румынские отношения 1917-1941. Документы и материалы. М., 2000. Т. 2. С. 82-83.

⁵² A. Stranga. Russian and Polish Policies in the Baltic States from 1933 to 1935 // The Baltic States at Historical Crossroads: Political, Economic and Legal Problems in the Context of International Cooperation on the Doorstep of the 21st Century. Riga, 1998. P.435-436.

⁵³ Письмо Б. Стомонякова М. Карскому, 11.8.1935. – АВП РФ. Ф.0151. Оп. 26. П.49. Д.2. Л.56-57.

штабных игр и др. Основной сценарий предусматривал, что против СССР выступят соединенные силы Германии, Польши, Эстонии и Финляндии. К числу возможных союзников Германии были отнесены также Румыния и Латвия⁵⁴. Запоздалые попытки французских военных поколебать сложившееся в руководстве РККА мнение о Польше как неизбежном противнике, успеха, разумеется, не имели⁵⁵. Начав с Польши, советские военные, таким образом, постепенно восстанавливали в правах вероятных противников и все остальные западные соседние государства. «Наши ближайшие соседи ведут себя по-прежнему далеко не добрососедски и, разумеется, ждать добра от них также не приходится», — отмечал нарком Ворошилов, закрывая заседание Военного совета при Наркомате обороны в октябре 1936 г.⁵⁶ О союзе с Францией и Чехословакией никто из высших командиров, на протяжении целой недели обсуждавших задачи Красной армии, не вспомнил⁵⁷.

Со своей стороны, Наркоминделу оставалось грезить о комбинациях, еще более несбыточных, чем Восточное Локарно — о создании на южном фланге “un bloc défensif uni et puissant” с участием Малой Антанты и Турции. С начала 1937 г. советская дипломатия начала дрейф в сторону изоляционизма⁵⁸. В марте 1938 г. эта линия безусловно возобладала. «Через очень короткое время» европейский континент будет принадлежать немцам, которым будут противостоять лишь Англия и Советский Союз, предсказывал Литвинов⁵⁹. «Гитлеризация Австрии предрешила судьбу Чехословакии», ориентировал он полпреда в Праге. — «Судьбу Чехословакии можно считать предрешенной», соглашался полпред⁶⁰. Квинтэссенцией этой линии в области дипломатии являлось известное разъяснение наркома Литвинова своему другу — полпреду в Берлине Я.Сурицу в апреле 1939 г.: “Нам говорят, что в наших интересах защита Польши и Румынии против Германии. Но мы свои интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют”⁶¹. Смысловое отличие этой сентенции 1939 г. от приведенной выше формулы 1935 г. состояло лишь в том, что она определяла уже не дипломатическую линию в отношении одной из малых стран Балтии, а европей-

⁵⁴ Г. Н. Севостьянов. Указ. соч. С.504. Эта установка в последующие два года не претерпела сколько-нибудь существенных изменений (см.: Записка Начальника Генштаба РККА Б. Шапошникова наркому обороны К. Ворошилову о наиболее вероятных противниках, 24.3.1938 // 1941 год. В 2-х книгах. Кн. 2. М., 1998. С.557-559). Об оперативных мотивах и содержании стратегической игры в апреле 1936 г. см.: 1937. Показания маршала Тухачевского // Военно-исторический журнал. 1991. № 8, 9.

⁵⁵ Телеграмма В. Блюхера К. Ворошилову, [между 10 и 13].6.1936. — РГВА. Ф.4. Оп. 19. Д.22. Л.3 (о прогнозе подполковника Сабатье, бывшего начальника “информационного отделения Разведотдела” Генерального штаба).

⁵⁶ Заключительная речь К. Ворошилова / Стенограмма заседания Военного Совета при НКО по вопросам боевой подготовки РККА 13-19.10.1936. — РГВА. Ф.4. Оп. 18. Д.53. Л.709-710.

⁵⁷ Автор считает нужным воздержаться здесь от обсуждения крайне сложного вопроса о военных контактах между СССР и Францией и ЧСР (с косвенным участием Румынии) в 1935-1938 гг. и об отношении к этим контактам различных советских инстанций.

⁵⁸ См.: Sabine Dullin. Op. cit., в особенности p. 161 и 280.

⁵⁹ Memorandum by J.E.Davies, 23.3.1938 // Joseph E. Davies. Mission to Moscow. N.Y., 1941. P.291-292.

⁶⁰ Письмо наркома М. Литвинова полпреду С. Александровскому, 26.3.1938 (цит по: С.З.Случ. Польша в политике Советского Союза. 1938-1939 // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001. С.184); письмо полпреда С.Александровского наркому М. Литвинову, Прага, 30.3.1938 (заверенная копия, направленная наркому обороны К. Ворошилову). — РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д.1144. Л. 71 (копия: Library of Congress, Manuscript Division, Volkogonov Collection, cont.16, folder 182). Человек незаурядного мужества, Александровский тем не менее настаивал, что «главным вопросом становится темп дальнейшего развития, на который еще можно и нужно влиять, стараясь всячески его замедлить».

⁶¹ Письмо М. Литвинова Я. Сурицу, 11.4.1939 // СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971. С.321.

скую политику СССР в целом. Как показывают переговоры с Польшей и Румынией, с 1934 г. Наркомат иностранных дел шаг за шагом отступал от собственно дипломатического образа мышления. Требования к Варшаве, Бухаресту (и до известной степени, к Риге и Таллинну) сделать немедленный и безусловный выбор в пользу «коллективной безопасности» без получения от СССР соответствующих компенсаций в отношении их безопасности были по сути военной постановкой вопроса – так Наполеон вел дела с Пруссией перед походом на Россию. Вместе с тем, отказавшись от определения собственных приоритетов, диктующих для их защиты установление прочного партнерства с одними государствами для противодействия другим, дипломатия утрачивала свою политическую функцию. Внешнеполитическое ведомство превращалось в подобие «Отдела внешних сношений», осуществляющего «совокупность невоенных практических мероприятий, применяемых с учетом конкретных условий и характера решаемых задач»⁶².

Это был логичный итог внутренней капитуляции дипломатии перед стратегами несколькими годами ранее. Позиция военного ведомства основывалась на двух молчаливо принимаемых допущениях. Во-первых, военное планирование исходило из предпосылки, что хотя потенциальными противником может оказаться любая комбинация империалистических держав, реальными мишенями для Красной армии могут быть только лимитрофы и ей нужно готовиться пройти их «крест накрест»⁶³. Тем самым военное ведомство было ориентировано (и ориентировало других участников выработки внешнеполитических решений) на подыскивания оправданий для своей агрессивной позиции в отношении соседних стран. Во-вторых, военные исходили из того, что любая неподконтрольная им сила может оказаться враждебной. Стремление Польши избежать преждевременной конфронтации с Германией и СССР и превращения своей земли в поле их столкновения оказывалось достаточным основанием для того, чтобы считать ее разгром первоочередной задачей Красной армии, тогда как усилия малых балтийских стран сохранить нейтралитет побуждал военное ведомство подготавливать планы «повторения «Бельгии»». Наконец, основой военных приготовлений являлся горделивый изоляционизм, исключавший учет интересов других государств: «Войне противостоит только Советский Союз, только мы и наша славная Рабоче-Крестьянская Красная армия»⁶⁴.

Советский политический кризис, нашедший разрешение в большом терроре 1937-1938 гг., акцентировал и углубил доминирование логики насилия как универсальной основы внешнеполитических решений. Отмеченные компоненты военного мышления по существу совпадали с потребностями массовой мобилизации и репрессий, которые в свою очередь получали оправдание в том, что «мы окружены людьми, классами, правительствами, которые открыто выражают ненависть к нам»⁶⁵. В том же направлении действовал и сделанный Ста-

⁶² Позднее министр иностранных дел СССР Громыко, испытывавший робость не только перед партийными вождями, но и перед министром обороны Устиновым, находил такое определение дипломатии вполне естественным (см: Дипломатия // Дипломатический словарь. Т 1. М., 1984. С.327).

⁶³ Заключительная речь К. Ворошилова / Стенограмма расширенного заседания РВС СССР об итогах боевой подготовки РККА за 1933 год и о задачах на 1934 год 16-18.11.1933. – РГВА. Ф.4. Оп. 18. Д.40. Л.406.

⁶⁴ Заключительная речь К. Ворошилова / Стенограмма заседания Военного Совета при НКО по вопросам боевой подготовки РККА 13-19.10.1936. – РГВА. Ф.4. Оп. 18. Д.53. Л.709.

⁶⁵ Изречение В. Ленина, приведенное Сталиным в качестве образца в «Ответе тов. Иванову Ивану Филипповичу» (Правда. 14. 2. 1938).

линым в 1938 г. вывод о том, что новая мировая война – «вторая империалистическая война на деле уже началась»⁶⁶. Естественным выводом из этого тезиса являлись отказ от дифференцированного подхода к основным европейским державам и вместо этого ориентация на использование внешней конъюнктуры для получения ближайших материально осязаемых выгод – принципы, провозглашенные Сталиным на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 г. Внутренние условия для этого в советской внешнеполитической практике и мышлении к тому времени уже сложились.

Неудивительно поэтому, что еще до своей отставки в начале мая 1939 г., осознавая ненужность внешнеполитического планирования (и свою собственную), руководитель Наркоминдела перестал читать поступающие документы⁶⁷. Его замена партийно-хозяйственным администратором Молотовым, ранее возглавлявшим Комиссию Оборона Политбюро и Совнаркома, явилась вполне логичным завершением трансформации советской политики⁶⁸.

Эпилог (1939-1940 гг.)

В мае 1939 г. руководителем дипломатического ведомства впервые стал влиятельный член Политбюро (и единственный раз в советской истории – второй человек в партийно-государственной иерархии). Возрождение влияния НКВД произошло благодаря коренному изменению его основной функции. Смыслом деятельности молотовского Наркоминдела стало выяснение наиболее благоприятных внешнеполитических условий практичного военного насилия, с которым отныне отождествлялись интересы СССР. Понятие «безопасность» утратило свою соотносимость с интересами других участников международной жизни: согласно сталинскому определению (или обмолвке), «безопасность есть безопасность СССР»⁶⁹. Соответственно наркомат обороны утратил функции политического планирования. Ему оставалось послушно следовать за сталинско-молотовской линией с неизбежными в таких случаях анекдотичными запозданиями (Так, 2 августа 1939 г. нарком военно-морского флота направил Краснознаменному Балтийскому флоту директиву: «при разработке оперативного плана исходить из предположения *одновременного выступления против СССР на северо-западном направлении объединенных сил Германии, Польши и Финляндии*»⁷⁰). В отношениях военного ведомства и НКВД установилась гармония совместного противостояния всему миру в интересах извлечения ближайших выгод – гармония, поддерживаемая непосредственным контролем Сталина и его директивами.

Этот политико-военный симбиоз отчетливо проявился летом 1939 г. в торге СССР с европейскими державами, когда эстафета ведения переговоров передавалась от НКВД к НКО и обратно, Ворошилов вел переговоры с англо-французской делегацией, а Молотов с

⁶⁶ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938. С.313.

⁶⁷ «Особенно это касалось донесений нашей разведки из-за рубежа», – с ужасом заметил новый сотрудник НКВД, разбиравший бумаги экс-наркома (Автобиографические записки В.Н.Павлова – переводчика И.В.Сталина) // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С.97).

⁶⁸ Не кажется поэтому невероятным утверждение, что Литвинов сам предложил назначить своим преемником презираемого им Молотова (Arthur U. Pope. Maxim Litvinoff. N.Y., 1943. P.442)

⁶⁹ Совещание при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14-17 апреля 1940. Стенограмма // Зимняя война 1939-1940. Кн. 2. И.В. Сталин и финская кампания. М., 1999. С.272.

⁷⁰ Директива Наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова Военному совету КБФ, 2.8.1939 («особой важности»). – РГА ВМФ. Р-1877. Оп.1. Д.80. Л.8.

МИД Германии. Осью, вокруг которой вращались эти переговоры, являлась отнюдь не проблема участия СССР в мировом конфликте против Германии, а обеспечение возможными партнерами Москвы условий для советской оккупации соседних государств. В переговорах с военными миссиями Англии и Франции ввод («пропуск») Красной Армии в Польшу и Румынию был представлен как «предварительное условие наших переговоров и совместного договора между тремя государствами»⁷¹. Это было равносильно требованию принудить соседей СССР к подчинению ему. Такое требование могло быть удовлетворено (пусть и не в полном объеме) только Германией и в результате явилось, по выражению Молотова, «органической частью» советско-германского пакта о ненападении.

Быть может не столь важно, отвечает ли истине утверждение Сталина о том, что «мы предпочитали соглашение с так называемыми демокр[атическими] странами»⁷². Переговоры лета 1939 г. свидетельствуют, что главенствующей заботой Москвы являлась реализация ближайших военно-территориальных интересов, понимаемых как расширение периметра своего контроля, и политическая проблема выбора союзника определялась в первую очередь, какая из противостоящих группировок предоставит СССР карт-бланш на осуществление диктата и насилия в отношении сопредельных стран. Здравые утверждения Ворошилова относительно того, что разгром вооруженных сил Польши и Румынии противоречил бы советским интересам (на переговорах с Думенком и Дрэксом), или разглагольствования Сталина о слабости Англии (в беседе с Риббентропом), были, возможно, не лишены своеобразной искренности, но стоявшие за ними геополитические соображения в действительности меркли перед соблазном немедленного расширения советских границ за счет стран Центрально-Восточной Европы. Внешнеполитический солипсизм («безопасность есть безопасность СССР») и приоритет ближайших военных выгод над общими международными сдвигами взаимно обуславливали и подпитывали друг друга.

В советской активности осенью 1939 г. грань между внутренними и внешними делами растворялась в тотальности советской политики и филологии. Граждане Польши обернулись «единокровными братьями», предъявление ультиматума балтийским странам оказывалось бюрократическим «упорядочением отношений», а война с Финляндией – «решением вопроса о Ленинграде» для недопущения там «буржуазного правительства, белогвардейского». Сталинское определение захватов 1939-1940 гг. – «Мы расширяем фронт *социалистического строительства*»⁷³ – прочно помещало их в сферу привычного партийно-хозяйственного мессианства. В этой обстановке полпред в Берлине Шкварцев мог вполне серьезно убеждать югославского посланника Иво Андрича: «Ваша страна сельскохозяйственная, а в сельском хозяйстве у вас орудуют кулаки»⁷⁴.

Дискурсивное различие между военными и политико-дипломатическими соображениями тем более исчезало. На переговорах с латвийским министром иностранных дел Мунтерсом в октябре 1939 г. Сталин щеголял «удивившими нас познаниями в военной области и

⁷¹ Запись заседания военных миссий СССР, Англии и Франции, 14.8.1939 // СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971. С.568.

⁷² Георги Димитров. Дневник (9 март 1933 – 6 февруари 1949). София, 1997. С. 182.

⁷³ Выступление И.В.Сталина на совещании в ЦК ВКП (б), 9.9.1940 (цит. по: В. А. Невежин. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939-1941 гг. М., 1997. С.96).

⁷⁴ Автобиографические записки В.Н.Павлова – переводчика И.В.Сталина. С. 103.

своим искусством оперировать цифрами». Обещая вывод советских гарнизонов после окончания войны, он одновременно мечтательно предрекал: «Небо будет пылать от борьбы гигантов»⁷⁵. Выступая перед начальствующим составом Красной армии спустя несколько месяцев, Сталин, напротив, представил завершившуюся кровопролитную войну с Финляндией как переговоры, масштабные военные операции как разведку сил противника, а попытку полной советизации Финляндии – как дипломатический прием. «Перед финнами мы с начала войны поставили два вопроса - выбирайте из двух одно: либо идите на большие уступки, либо мы вас распылим и вы получите правительство Куусинена, которое будет потрошить ваше правительство. Они предпочли пойти на уступки, чтобы не было народного правительства. Пожалуйста. Дело *полюбовное*, мы на эти условия пошли, потому что получили довольно серьезные уступки... финны встали на колени, мы уступили, война кончилась», – объяснял Сталин⁷⁶.

Торжество относительно выгод, полученных СССР во время «второй империалистической войны», сопровождалось развивающимся параличом политической и военной стратегии. С конца 1939 и вплоть до осени 1940 г., впервые с начала 20-х гг., советское руководство не располагало планом войны – ни планами мобилизации вооруженных сил и промышленности, ни оперативным планом⁷⁷. В значительной степени это обуславливалось тем, что высшее советское руководство не могло придти к выводу относительно вероятных противников и их возможных действий. Ввиду этого командующими и начальникам штабов военных флотов (и, возможно, руководству военных округов) весной 1940 г. было предписано представить соображения о вероятных противниках на ближайшую перспективу. Флотские начальники усматривали непосредственную угрозу СССР со стороны самых разных государств. Потенциальными противниками были названы Англия и Норвегия – на Северном театре, Германия, Финляндия и Швеция – на Балтике, Турция, Румыния и (возможно) Болгария в союзе с Англией и Францией – на Черном море, Япония, Соединенные Штаты и Англия – на Тихом океане. В докладе начальника штаба Балтийского флота, подготовленном уже после разгрома Франции, удовлетворение по этому поводу соединялось с сентенцией, афористично воплотившей основы тогдашнего военно-политического мышления: «Англия и Франция надолго вышли из строя самостоятельных противников СССР, но они всегда найдут общий язык с государством, затевающим войну против СССР, *ибо капиталист всегда остается капиталистом*»⁷⁸. В рамках такой парадигмы профессиональный военный анализ не мог привести к каким-либо надежным умозаключениям относительно характера грядущего столкновения.

⁷⁵ Запись В. Мунтерса записи бесед И.В.Сталина и В.М.Молотова с латвийской делегацией, 2.10.1939 // Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990. С.77-78.

⁷⁶ Совещание при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии 14-17 апреля 1940. С.275, 282.

⁷⁷ См.: Постановление СНК СССР «О разработке мобилизационных планов на 1940 и 1941 г.», 25.7.1940 //1941 год. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1998. С. 128-129; Ю.А. Горьков. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С.56-57. Доступные сведения относительно того, был ли разработан и утвержден оперативный план на 1939 г., противоречивы и пока не позволяют придти к определенному выводу.

⁷⁸ Рапорт Начальника Штаба Краснознаменного Балтийского флота Пантелеева Наркому Военно-Морского Флота Кузнецову «Соображения о вероятных боевых действиях на Балтике», 6.7.1940 («Особой важности»). – РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп.2. Д.668. Л.27.

К осени 1940 г., когда выполнение советской программы ближайших территориальных приобретений было завершено, а господство Германии на континенте стало неоспоримым, сталинское руководство встало перед необходимостью определить на ближайшее время источник военной угрозы СССР и перспективы политических договоренностей с другими государствами.

Согласно новому плану войны («Соображения об основах стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940-1941 гг.»), СССР было «необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией, Финляндией, и на Востоке против Японии»⁷⁹.

Директивы руководителю НКВД, продиктованные Сталиным вслед за утверждением в середине октября 1940 г. плана стратегического развертывания, предусматривали, с одной стороны, выяснение «действительных намерений Г[ермании] и всех участников Пакта 3-х». С другой стороны, Молотову поручалось в ходе переговоров с Гитлером и Риббентропом «подготовить первоначальную наметку сферы интересов СССР в Европе, а также в ближней и средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Г[ерманией] (а также с И[талией])»⁸⁰. Неудача берлинских переговоров не внесла существенных коррективов в образ действий Москвы.

Таким образом, заколдованный круг европейской политики СССР окончательно сомкнулся: источник угрозы отождествился с источником надежд, основной противник – с главным внешнеполитическим партнером. Доминирование установок, характерных для позиции военного ведомства – отказ от широкого и дифференцированного политического видения, от определения собственных государственных интересов в соотношении с интересами других стран, в особенности соседних, сосредоточенность на извлечении ближайших выгод (получении территорий и ресурсов, «улучшении границ») – разрушило условия для успешного стратегических задач СССР. Эти выгоды оказались иллюзорными: агрессия СССР против Румынии и Финляндии обеспечила их выступление вместе с Германией (по признанию Генштаба, «с целью реванша»). Если в материалах военного ведомства 20-30-х годов противник рисовался крупными мазками – как могущественная Антанта, без труда управляющая своими восточноевропейскими вассалами, то оказавшись перед лицом действительно подчиненной Германии Европы, военачальники (в согласии со Сталиным) заговорили об участии Италии, Финляндии, Венгрии и Румынии в будущем столкновении Германии с СССР крайне осторожно – как о возможности, но отнюдь не как вероятности. Похоже, на Знаменской площади и в Кремле боялись взглянуть в лицо правде. С одной стороны, излюбленный тезис советских военных об угрозе СССР со стороны консолидированной империалистической коалиции оказался самосбывающимся пророчеством. С другой, подменившее дипломатию использование международной конъюнктуры для военного насилия над сосед-

⁷⁹ Записка Наркома обороны СССР и Начальника Генштаба РККА И. В. Сталину и В. М. Молотову, 18.9.1940 // 1941 год. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1998. С. 237. Предшествующий (августовский) вариант записки содержал более глухое упоминание о Венгрии и дополнительную ссылку на Турцию как возможного противника (Там же. С.181).

⁸⁰ Некоторые директивы к берлинской поездке, 9.11.1940 //Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941. Т.23. Кн. 2 (1). С.30-31.

ними государствами не могло, разумеется, выполнить элементарную задачу дипломатии – увеличить число друзей и уменьшить число врагов вблизи своих границ.

В своем развитии милитаристская патология советского режима вкупе с завещанным Лениным провинциальным ницшеанством сделали невозможным осуществление грандиозного военно-политического замысла – «выступить последними... для того, чтобы бросить решающую гирию на чашку весов, гирию, которая могла бы перевесить». В действительности свою «решающую гирию» Сталин израсходовал (незаметно для себя) в августе 1939 г., и она помогла Германии «перевесить». Год спустя не было уже ни весов, ни гири – лишь только противостоящий СССР смертельный противник и одновременно единственный мыслимый партнер.

Вплоть до июня 1941 г. – до тех пор, пока Гитлер нападением на СССР не разрешил это кардинальное противоречие советской политики – она была обречена метаться между умиротворением врага (и поиском устойчивого соглашения с ним) и беспомощными мечтаниями об активных наступательных действиях (то ли на Балканах и на Севере – с разрешения Гитлера, то ли об упреждающем ударе по Германии). После того как дипломатия была сведена к обслуживанию военной экспансии и они слились в советской политике в нераздельное целое, сталинское руководство попросту не могло отличить одно от другого и в действиях гитлеровской Германии – и полагало, что ее войска развертываются против СССР ради заключения нового германо-советского соглашения.

Военная катастрофа 1941 г. явилась продолжением внутреннего краха советской политики и расплатой за возобладавшую в ней логику насилия, за восприятие международной политики как приготовления к войне.